

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Е.В. Рогова,

доцент кафедры криминалистики
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

В статье приведен ретроспективный анализ законодательного закрепления в отечественном законодательстве уголовного проступка. Автором исследовано уголовное законодательство дореволюционного и советского периода развития России на предмет содержания в нем уголовного проступка.

In article the retrospective analysis of legislative fastening in the domestic legislation of criminal offense is resulted. The author investigates the criminal legislation of the pre-revolutionary and Soviet period of development of Russia about the maintenance in it of criminal offense*.

Детальное изучение исторического опыта, выявление позитивных и негативных тенденций развития отечественного уголовного законодательства, позволит избежать возможных ошибок при введении такого института, как «уголовный проступок» в Уголовный кодекс РФ.

Анализируя историю отечественного уголовного законодательства, следует отметить, что уголовный проступок был известен еще в дореволюционной России. Причем нормы, регулирующие данную категорию, просуществовали на протяжении XVIII-XIX веков.

---

* E.V. Rogova, Ph.D.in Law, ass.Professor, Criminal offense in the history of the domestic legislation

Вопрос о разграничении преступлений и проступков был поставлен в законотворческой идеологии и практике Российской империи еще в XVIII веке. При Петре I появляются понятия «преступление» и «проступок», что свидетельствует о формализации сущности криминального поведения и утрате им религиозного значения. Дифференциация преступления и проступка была обусловлена двуединым процессом, характеризующимся стремительно происходящими изменениями в социально-экономическом укладе общества, реформами государственного аппарата и распространением в России идей философии просвещения [1, с. 19].

Екатерина II в первом дополнении к большому Наказу Уложенной комиссии 1767 года высказала заимствованную у Монтескье мысль о том, что «не надобно смешивать великого нарушения законов с простым нарушением установленного благочиния: сих вещей в одном ряду ставить не должно». Эта идея нашла воплощение в Уставе благочиния, или полицейском 1782 года, согласно которому лица, совершившие значительные правонарушения, направлялись в суд для определения им меры наказания, а по малозначительным нарушениям окончательное решение принималось в полиции. Здесь уже намечалось практическое разграничение преступлений и проступков.

Исторический анализ уголовного законодательства Российской Федерации дореволюционного периода свидетельствует о том, что уголовные проступки были закреплены еще в Своде законов Российской империи 1832 года, XV том которого был посвящен вопросам уголовного права. В ст. 1 Свода законов давалось общее понятие преступления как всякого деяния, запрещенного законом под страхом наказания, а в ст. 2 приводилось определение маловажных преступлений и проступков как деяний, запрещенных под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления. Подобное деление не имело уголовно-правовых последствий, т.е. не упоминалось в других нормах уголовного закона.

В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое так же, как и Свод законов, знало два понятия уголовно-наказуемого деяния – преступление и проступок. Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц – есть преступление (ст. 1 Уложения). Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступком (ст. 2 Уложения) [2, с. 310]. При этом Н.С. Таганцев считал такое деление практически несущественным, поскольку уголовные и полицейские посягательства (уголовные проступки), по его мнению, есть особая группа уголовно наказуемых деяний. В качестве наиболее приемлемого критерия разграничения правонарушений ученый указывал наказуемость деяний [3, с. 105, 108-110].

Таким образом, Свод законов Российской империи устанавливал различие между преступлением и проступком по тяжести наказания, а

Уложение – по объекту посягательства. Преступление характеризовалось повреждением объекта, охраняемого законом, а проступок – нарушением закона, охраняющего благо. Следовательно, понятие проступка было более формализовано.

Объектом посягательства при определении проступка являются правила, охраняющие права отдельных лиц, общественную и личную безопасность. Эти общие положения не получили достаточно четкого применения в Особенной части Уложения. Так, исследователи Уложения 1845 года отмечали крайнюю нечеткость применения терминов преступления и проступок в особенной части [4, с. 77].

Например, ст.ст. 144-146 говорили только о преступлении, устанавливали общую норму о применении наказаний для несовершеннолетнего в случае совершения последними преступлений и проступков. Статья 163 предусматривала различные сроки давности во всех первых пунктах только для преступлений (тогда как по тексту закона можно полагать, что речь шла и о проступках) [2, с. 164-165].

Последовательное разграничение преступлений и проступков в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года отсутствовало, технического значения термины «преступление» и «проступок» не имели.

Преступление и проступок в своей основе являлись посягательствами на разные уровни правовых установлений. Дифференциация преступных деяний была основана на различии исторически сложившихся типов криминализации: первый тип соотносился с регламентацией основных (наиболее опасных) преступлений, второй – преступлений, проступков, общественная опасность которых была актуальна на определенный период. При этом ценность охраняемого объекта экстраполировалась на норму, содержащую уголовно-правовой запрет, тем самым определялась и важность этой нормы.

Разграничение между преступлением и проступком проводилось также по роду назначаемого наказания. Преступления могли караться уголовными, а в отдельных случаях в качестве дополнительных - исправительными наказаниями. Проступки наказывались только исправительными наказаниями [1, с. 12-13].

В связи с данным положением, связанным с достаточно формальным разграничением преступления и проступка, в новых редакциях Уложения (1866, 1885 годов) различие между преступлением и проступком было исключено из Общей части.

Принятие Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года, обусловило значительную переработку старого уголовного законодательства, в частности из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было изъято 652 статьи, в том числе, 1-я и 2-я, определявшие преступление и проступок.

Запрещенные Уставом под страхом наказания деяния именуются проступками. Но можно ли говорить о декриминализации большого числа

преступлений, ранее предусмотренных Уложением о наказаниях уголовных и исправительных? Тяжесть наказания, следующая за эти «проступки» по Уставу, не позволяет с полным основанием сделать такой вывод. Не случайно эти проступки в Уставе называются также «преступными деяниями», привлеченный к ответственности за проступки называется «подсудимым», ему выносится «приговор», после чего он становится «осужденным» [5, с. 390-393].

Наиболее юридически разработанными были нормы о категоризации преступлений в Уголовном уложении 1903 года. Оно закрепляло уголовно-правовые последствия совершения общественно вредного деяния той или иной категории. Анализируя Уголовное уложение 1903 года, следует отметить, что в нем законодатель разграничивает преступные деяния на три категории: тяжкие преступления, преступления и проступки. Такое деление проводится в зависимости от назначаемых наказаний.

Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание смертная казнь, каторга или ссылка на поселение, именуется тяжкими преступлениями. Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, именуется преступлениями. Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание арест или денежная пеня, именуется проступками [6, 275].

Комментируя данную категоризацию уголовно-наказуемых деяний, Н.Д. Сергиевский отмечал, что подобная классификация преступлений «вводилась по соображениям практического удобства двоякого рода: процессуального и кодификационно-технического. В первом случае это деление соответствовало разделению судов на высшие, средние и низшие и объему подсудности каждого из них. Во втором оно значительно облегчало редакцию статей кодекса, давая возможность кратким термином заменить подробное описание целой группой деяний» [7].

На основании такого деления, согласно Уголовному уложению 1903 года, народные суды рассматривали дела о преступлениях и проступках, революционные трибуналы – о тяжких преступлениях. Кроме того, немного позднее – в 1918 году Положение «О народном суде РСФСР», утвержденное декретом ВЦИК 30 ноября 1918 г. в пункте 4 закрепляло, что народному суду были подсудны все уголовные дела о преступлениях и проступках [8].

Ученые-криминалисты того времени подчеркивали значимость такой классификации преступных деяний, объясняли ее роль, социальное и уголовно-правовое значение. «Когда законодатель назначает какое-либо наказание за то или иное преступное деяние, то он предварительно оценивает важность нарушенного права, опасность, испорченность воли, т.е. что подкладкою формального трехчленного деления является оценка внутреннего значения каждого правонарушения. В область тяжких преступлений, естественно, отходят деяния, высказывающие особенно опасную злую волю, закоренелую привычку к преступлению или

причиняющую важный по своим последствиям вред обществу, нарушающие наиболее ценные блага.

Напротив того, к области незначительных проступков могут быть отнесены такие деяния, в которых проявляются легкомыслие и небрежность, или которые заключают в себе простое ослушание велениям законов, ограждающих безопасность и спокойствие, или которые нарушают лишь имущественные интересы казны, или хотя и причиняют кому-либо вред, но по существу своему совершенно незначительны; центральная группа преступлений будет охватывать как бы средний тип преступных деяний, например, посягательства на чью-либо жизнь, бывшие результатом запальчивости, аффекта, различные виды захватов чужой собственности, не сопровождающиеся особо отягчающими обстоятельствами» [9, с. 67, 68].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года отказался от законодательного закрепления трех категорий уголовно-наказуемых деяний, известных Уголовному уложению 1903 года. Несмотря на это ряд авторов утверждал, что наличие в УК РСФСР 1922 года группы преступлений, дела по которым рассматривались народным судьей единолично, свидетельствует о том, что уголовный кодекс помимо преступлений различал и проступки [10, с. 38; 11, с. 66-67]. Обоснованность таких суждений подкрепляется наличием в уголовном кодексе административной и дисциплинарной преюдиции. Так, за ряд должностных преступлений УК РСФСР предусматривал возможность привлечения виновного к уголовной или дисциплинарной ответственности. А такие деликты как самогоноварение, хулиганство были переданы на разрешение административных отделов исполкомов.

Именно о формальном, а не законодательном, закреплении трех различных по степени общественной опасности категорий преступлений в какой-то мере свидетельствует и тот факт, что при определении сроков давности законодатель разделял три группы преступлений.

В этот период развития нашего государства деление преступлений на контрреволюционные и иные выражало основную идею того времени.

К проекту УК РСФСР 1922 года в объяснительной записке в 1920 году указывалось о том, что деление преступлений на виды по их тяжести, теряет значение ввиду необходимости предоставления широких прав суду в оценке опасности поведения правонарушителя.

Законодательное же закрепление получили две категории преступлений: 1) направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными и 2) все остальные преступления. Для первой категории устанавливался низший предел наказания (не менее определённого срока), для второй – высший предел (ст. 27 УК РСФСР).

Принятый в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР не содержал принципиального решения проблемы дифференциации преступлений в зависимости от их тяжести. В нем различалось две категории общественно опасных деяний: с одной стороны, посягательства, направленные против основ советского строя, признававшиеся наиболее опасными, с другой – все

остальные (ст. 46). За преступления первой категории определен предел, ниже которого суд не вправе назначить меру социальной защиты судебно-исправительного характера. По всем остальным преступлениям устанавливался лишь высший, допустимый до суда предел.

В статье 95 УК РСФСР употребляется новое понятие «тяжкое преступление». На основании этого можно отметить некоторую группировку деликтов по их относительной степени тяжести: 1) «наиболее тяжкие», по которым закон допускал применение высшей меры защиты (ст. 21); тяжкие, т.е. другие посягательства на основы власти, по которым законом указан минимум санкции «не ниже» (ст. 46) и все остальные общественно опасные деяния (ст. 46), по которым указан максимум санкции.

В 1926 году на VI съезде деятелей юстиции было внесено предложение, согласно которому преступления необходимо разделить на три категории в зависимости от наказания. Первую категорию должны были представлять особо опасные преступления, за совершение которых предусматривалась смертная казнь, во вторую группу должны были войти общественно опасные деяния, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет и выше до максимального срока. Третья категория должна была быть представлена социально вредными деяниями, за которые наказание в виде лишения свободы предусматривалось до двух лет либо другое более мягкое наказание. Причем, наибольший интерес представляла третья категория, которая подразделялась на преступления, за которые применялись исключительно меры морального воздействия, социально вредные действия, за которые наряду с мерами общественного воздействия применялись бы принудительные работы и другие наказания без лишения свободы. И, наконец, преступления, за которые наряду с лишением свободы до одного года или наказанием без лишения свободы в обязательном порядке применялись бы ссылка с запрещением возвращаться в данную социальную среду. Данное предложение не было принято, в виду общего неудовлетворительного состояния в местах лишения свободы.

Таким образом, ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что в советский период категория «уголовный проступок» исключается. Можно констатировать тот факт, что после 1917 года преемственность дореволюционного уголовного права была утрачена в советском уголовном законодательстве.

Однако, появляется категория преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Официальное закрепление эта группа преступлений получила в уголовных кодексах союзных республик 1959-1961 годов. Понятием преступления, не представляющего большой общественной опасности, закон пользовался применительно к решению вопроса об уголовной ответственности несовершеннолетних (ч. 3 ст. 10 УК РСФСР 1960 г.) и об освобождении лица от уголовной ответственности и наказания с передачей виновных на поруки (ст. 52 УК РСФСР). В других случаях, как например, при освобождении лица от уголовной ответственности с передачей

дела в товарищеский суд, закон вел речь о малозначительных преступлениях, т.е. деяниях, не представляющих общественной опасности (ст. 51 УК РСФСР).

8 февраля 1977 года была предпринята попытка законодательно закрепить уголовные проступки. Тогда Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» была установлена возможность применения мер административной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности [12].

В то же время в УК РСФСР были внесены изменения, согласно которым термин «малозначительные преступления» был исключен, т.к. отсутствие в уголовном законе понятия малозначительного преступления вызывало трудности и ошибки в правоприменительной и судебной практике. Все нормы, регулирующие порядок освобождения от уголовной ответственности с заменой ее мерами общественного либо административного воздействия, стали связывать его с совершением преступления, не представляющего большой общественной опасности.

Введение такой категории как преступления, не представляющие большой общественной опасности, преследовало три цели. Во-первых, показать, что в уголовном законодательстве содержатся деяния, занимающие промежуточное положение между преступлением и административным правонарушением. Во-вторых, устранить возникшие противоречия между квалификацией деяния как преступления и применения за него мер общественного либо административного воздействия. В-третьих, исключить возможность признания лица виновным в совершении преступления при внесудебном решении вопроса об освобождении его от уголовной ответственности. Выборочные исследования, проведенные в тот период, свидетельствовали о том, что в отношении более чем 90% лиц процедура осуществлялась внесудебным порядком, это означало, что их вина в совершении преступления судом не устанавливалась. Каждое второе решение принималось должностным лицом со средним специальным юридическим образованием либо не имеющим опыта работы в правоохранительных органах [13, с. 119].

Давая оценку появлению в уголовном законодательстве того периода такого понятия как деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, следует отметить, что, естественно появляются сложности в разграничении этих деяний и преступлений. Во многих случаях, отмечает С.Г. Келина, вследствие нечеткого описания оснований дифференциации и индивидуализации, закон открывает путь для недостаточно обоснованных, а порой и субъективных решений, что нарушает стабильность правоприменительной деятельности и противоречит таким принципам, как равенство граждан перед законом, неотвратимости и справедливости ответственности [14, с. 15].

Подводя итог ретроспективному анализу категоризации преступлений в отечественном уголовном законодательстве, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, классификация преступлений в зависимости от степени их тяжести и меры наказания появилась еще в дореволюционном уголовном законодательстве. Заключительный дореволюционный кодифицированный акт – Уголовное уложение 1903 года – проводило категоризацию преступлений на три группы, среди которых группа уголовных проступков имела место.

Во-вторых, советский законодатель отказался от теоретического наследия дореволюционного уголовного права, в том числе и от возможности выделения такой группы общественно опасных деяний как уголовные проступки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. Логецкий, А.А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX — начала XX веков: Автореф. ...дис. канд. юрид. Наук. - М, 2003.

². Российское законодательство X-XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988.

³. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. – Тула, 2001.

⁴. Таганцев, Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. – Часть общая. Вып. 1. – СПб, 1887.

⁵. Российское законодательство X-XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 8. – М.: Юридическая литература, 1991.

⁶. Российское законодательство X-XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 9. – М.: Юридическая литература, 1994.

⁷. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1904.

⁸. СУ РСФСР, 1918. № 85.

⁹. Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. – М., 1903.

¹⁰. Познышев, С.В. Очерки основных начал науки уголовного права. Общая часть. - М., 1923;

¹¹. Немировский, Э.Я. Советское уголовное право. Общая и особенная часть. - Одесса, 1926.

¹². Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 137.

¹³. Махоткин, В.П. Преступления, не представляющие большой общественной опасности (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дис. ...докт. юрид. наук., М., 1992.

¹⁴. Келина, С.Г. Некоторые принципиальные идеи, лежащие в основе теоретической модели уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984.